

К 60-летию

Камала Кармысова

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

Когда в 1931 году комсомольца Камала Кармысова приняли в Казахский театр драмы, ему было девятнадцать лет.

Время бежит быстро. Проходит первый сезон. За ним второй, третий. Юноша играет небольшие роли, проверяет свои силы, шлифует профессиональные навыки. Идет незаметный, но внутренне интенсивный процесс накопления начальных основ актерского мастерства. Лучшим учителем для Камала, так же как для талантливейших основоположников казахского театра, становится сама мудрая книга жизни. Все найденное, приобретенное на сцене сверяется и проверяется требовательной мерой жизненной правды.

В 1935 году молодой актер в спектакле «Ночные раскаты» играет Нуркана, самовлюбленного и надменного байского сына, с ненавистью и презрением относящегося к простому

народу. Эта первая встреча Камала с драматургией М. Ауэзова стала и его первым заметным успехом. Актерская индивидуальность Кармысова проявилась здесь с достаточной определенностью и яркостью — острая характерность, четкость и отточенность пластического рисунка, сила сатирического обличения.

Эти качества сослужили актеру прекрасную службу и в дни, когда создавался образ Хлестакова (1936 г.). Кармысов продемонстрировал и виртуозное владение внешним рисунком роли, и тонкое чувство авторского стиля.

Окрепшее мастерство молодого актера позволило ему обратиться к многоплановому образу шекспировского Яго, которого, он сыграл одержимым врагом добра и света, убежденным в низменности и подлости человеческой природы. Яго — Кармысов строил свои черные расчеты, не видя ис-

тинных ценностей человеческой жизни. Так ничего и не поняв, в бессильной злобе восприняв гордую и чистую смерть Отелло, низверженный и растоптанный, уходил со сцены его герой.

В патристическом повествовании о Великой Отечественной войне М. Ауэзова и А. Абишева «Гвардия чести» К. Кармысов сыграл легендарного героя казахского народа Тулегена Тохтарова, раскрыл его неслыхаемое жизнелюбие и мужество. Спектакль этот, поставленный к 25-летию Октября, имел огромное воспитательное значение. Образ, созданный актером, стал прекрасным примером героизма и бесстрашия для сотен и сотен молодых людей, уходивших на фронт в те тяжелые дни 1942 года.

А в следующем сезоне Камал сыграл одну из самых веселых и искрометных своих ролей — Транио в «Укрощении

строптивой» В. Шекспира, которая прошла через всю его творческую жизнь. И сегодня он работает с молодым актером А. Келжеевым, помогая ему овладеть богатством этого образа, готовя себе достойную смену.

Широкий и значительный круг репертуарных исканий молодого Кармысова определил напряженный, подлинно творческий темп жизни актера, при котором вырабатывался высокий профессионализм и глубокое чувство ответственности.

Камал Кармысов любит вспоминать, каким наполненным и загруженным был его рабочий день в годы молодости. Нередко из театра уходили глубокой ночью, после трудных и беспокойных репетиций. Работать было интересно. Каждый день открывал новые секреты актерской профессии, ведя актера к заветным вершинам мастерства.

Возрастал успех Кармысова у зрителя. Его искусство было высоко оценено правительством: в 1957 году ему присваивается звание народного артиста Казахской ССР.

К своему 60-летию Камал Кармысов пришел с богатым, многоплановым и интересным репертуаром. Здесь Гарпагон («Скупой») и Барон («На дне»), Швандя («Любовь Яровая») и Жарас («Айман — Шолпан»), Сердалы («Ахан-Сере и Актоқты») и Ордабаев («Сауле»), Козы и Жантык («Козы-Корпеш и Баян-Сулу»), Кочкарев («Женитьба») и Дурбит («Майра»).

При всей широте и многообразии актерского диапазона особое место в творческой судьбе Кармысова занимают работы в спектаклях национальной драматургии. Прекрасное знание конкретных исторических условий жизни казахского народа, его быта, привычек и обычаев определяет неподдельную точность деталей и подробностей в поведении героев актера. Но он никогда не ограничивает свою задачу натуралистическим воспроизведением жизненного материала, а стремится охватить авторский замысел во всей цельности и неповторимости инди-

видуальной трактовки. И поэтому такими интересными и живыми предстают сценические герои Кармысова, в которых четко прочтываются социальные и исторические обстоятельства жизни. Ауэзовский Жарас из «Айман-Шолпан» предстает у него выразителем не только народной мудрости и смекалки, но и огромных потенциальных сил казахского народа, которые делают его истинным хозяином своей судьбы. А Бопис из «Сильнее смерти» С. Жунусова сыгран с тонкой и проникновенной лирической интонацией, оттеняющей неброскую красоту души этого простого и скромного труженика. Рядом с ним злобный и мрачный образ Кадыра из «Степной баллады» К. Мукашева.

Актерское поколение Казахского академического театра драмы, к которому принадлежит К. Кармысов, вот уже четыре десятилетия во многом определяет силу и жизнеспособность сценического искусства республики. Яркий талант и виртуозное мастерство Камала Кармысова представляет в актерском созвездии лучшего театра Казахстана одно из самых блистательных имен. Впереди у замечательного мастера казахской сцены новые замыслы и свершения.

Л. БОГАТЕНКОВА.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ